

Терентій Травнікъ

СУШКИН ДОМ...

...на Мухиной горе

Терентій Травнікь
Сушкин дом... на Мухиной горе

«Издательские решения»

Травнікъ Т.

Сушкин дом... на Мухиной горе / Т. Травнікъ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850133-3

Первая книга стихов Терентія Травніка, в которую вошли ранние стихотворения поэта, начиная с 1985 года. Поэтическое и песенное творчество молодого Травніка поражает своей глубиной, неординарностью выражения своих чувств, мыслей и переживаний, и совсем неюношеским взглядом на происходящее в России в 90-х годах XX столетия. Легендарная песня «Владимирка», «Оловянные солдаты», «К войне в Чечне» и многие другие не потеряли актуальность и в наши дни. Книга иллюстрирована фотографиями из архива «VANO»

ISBN 978-5-44-850133-3

© Травнікъ Т.
© Издательские решения

Содержание

Стихотворения /избранное/	6
«Город – история арок и стен...»	8
«...И вдруг в оттаявшем стекле...»	9
«Когда, устав от разных дел...»	10
Крик в никуда	11
«Я хотел оказаться бы в поле...»	13
Маме	14
Михаилу Курганову моему духовному учителю посвящается...	15
Любимой	16
Посвящение Тамаре Николаевне...	17
Брату – другу	18
Четверть века	19
Вся жизнь	23
«Снова день в серебристом тумане...»	24
к Н. Ефремову	25
Колыбельная	26
Сладкие слезы	27
«И дрогнули снежные...»	28
«Я краски новые купил...»	29
Из книги «Белый уголь, Черный снег»	31
«Это вино называется «Осень...»	31
«Растворись в картинах на чьих-то холстах...»	32
«Бессонные ночи...»	33
Блаженная Маша	34
«Мне б не молчать, а плакать...»	35
Оксане Серебряковой посвящается...	36
Иван-да-Марья	37
Выпь	38
Четыре птахи	40
Вроде биографии...	41
«Я зажег свою свечу...»	43
Владимирка	45
Книга увяданий	46
«Когда я пойму себя в себе...»	47
Уход в себя	48
«Закончились болезни лета...»	49
Эпитафия	50
«Для меня каждый день, как последний...»	51
«Вчера еще мороз искрился...»	52
Стихотворение для Маши	53
Маятник	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сушкин дом... на Мухиной горе

Терентій Травнікь

© Терентій Травнікь, 2019

ISBN 978-5-4485-0133-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Травнікь

Стихотворения /избранное/

... я родился и вырос в любви...
и мне каждый день
открывались тайны нового дня.
Всю силу для творчества
я брал и продолжаю брать
из мира своего состоявшегося детства.
И сейчас я вижу, что детство - это все то,
что с нами случается в будущем...
Не забывайте и берегите в себе "ребенка"
- это ваш "компас" в этой жизни...

Ваш Игоряша

*Юре Чепелюку и Лене Пироговой
а также светлой памяти Машеньки Гусевой
...посвящается*

*"...я был когда-то маленьким,
теперь я стал большим,
но, только, этот маленький
во мне остался жить..."*

Т.Т. "Каракули"

«Город – история арок и стен...»

Город – история арок и стен...
Есть ли тот,
и нужен ли он,
Кому не грозит этот плен...

День – как час,
Я так и не видел небо.
Пыль и прошлое – в крике ветра...
Нет, это стоны дверных петель,
Лишь метель...
понимает всю пагубность лета.
Скоро вечер, и снова у нас
нет света...
Мотылек ночной опален на свече.

Берег дальний уходит,
и сыграна роль,
в полночь души рыдают,
нет, просто поют,
И снимают таблетки
унылую боль,
И часы над Москвой
поминальную бьют...

1987 г.

«...И вдруг в оттаявшем стекле...»

...И вдруг в оттаявшем стекле
Возникло зыбкое виденье —
Весны пришедшей отражение
Или обман,
в туманной мгле...

1986 г.

«Когда, устав от разных дел...»

Когда, устав от разных дел,
Я прислонил лицо к подушке,
Под звуки башенной кукушки,
Закрыв глаза – я улетел...

Февраль, 1986 г.

Крик в никуда

Я слышу крик,
/ не бойся – это ворон /
Взметнулся ввысь,
Окинув взором город,
И солнце крыльями закрыл...

И ночь...
Бесстрастная царица примирения,
В истомной муке ложится на меня,
Я ей подставил руки...

А звезды падают,
Хрустальный дождь
Так больно режет – любя, любя...
Любя... любя... любя...
И тут, я понимаю Бесконечность...
Не сон ли этот сон?
Как беспредельна скоротечность
жизни...
Быть может моя жизнь лишь чей-то
сон?..

И я кричу: «Эй, ночь, постой,
Но как?!»
«Дурак! – смеется ворон,
Она нема с рождения.
«Ты, как я вижу, хочешь Истину
познать?
Ну, что ж, скажу:
Есть Чувство, есть Стремление,
Есть Жизнь, есть Смерть,
Есть право выбирать.
А там, лишь Хаос... Хаос...
Хаос... Хаос... Хаос...

Теперь прощай, я улетаю,
Мне надо Солнцу место уступать...»

1987 г.

Игоряша...

1966г.

«Я хотел оказаться бы в поле...»

Я хотел оказаться бы в поле,
Где тяжелое небо давит,
Где северный ветер гонит,
А воздух так свеж, что пьянит...

И я крикнул бы ветру: «Слышишь?
Разорви, ты, меня на части,
Разбросай, ты, куски по полю,
Дай мне всласть надыхаться землей».

И еще я просил бы ветер:
«Закрути, подними в небо,
Дай хоть раз ощутить пространство
И испить эту чашу до дна.

А когда заметишь слезы,
Брось меня на острые камни,
Возьми душу мою с собой,
Разве можно все это забыть?...»

1987 г.

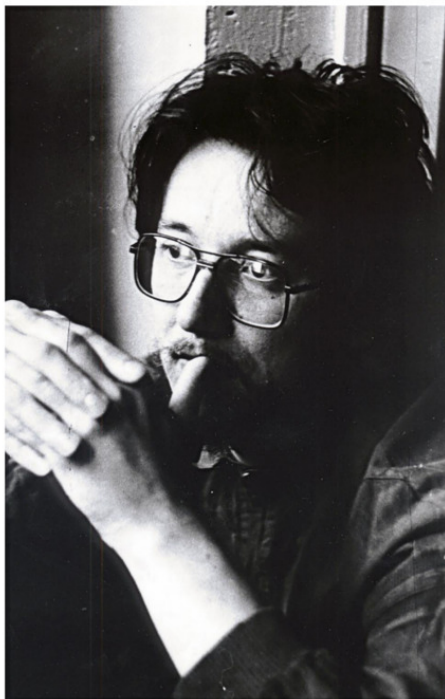
Маме

Говорят, что время стирает...
Что оно не знает преград,
Только ты для меня такая,
Как была много лет назад.

Те же руки, лицо и улыбка,
Тот же добрый задумчивый взгляд.
Ты сидишь предо мною такая,
Как была много лет назад.

Я природе вызов бросаю,
Мое сердце сильнее во сто крат,
Ты всегда для меня такая,
Как была много лет назад...

1987 г.

Т.Травнікъ, 1993г.

Фото Анны Штолиной

Михаилу Курганову моему духовному учителю посвящается...

Из тьмы или во тьму? —
Таков Человек,
Стоящий на сбитых весах...
Полярности чужды
Стабильность и крах.
Она подтверждает судьбу.

И каждый возводит свою пирамиду
По принципу – тяжестью вниз.
Базальтовых глыб из царства Аида
Не в силах нарушить границ.

Чем ближе к вершине,
тем больше сомнений
В тектонике мрачных искусств,
А червь уже снизу точит творенье
Стремлений, надежд и чувств.

Блажен, тепло в сердце хранящий,
Познав и муки, и страх,
Блажен, все свое с собою носящий,
Таков Человек,
Стоящий на сбитых весах.

февраль, 1987 г.

Любимой

Я возьму полотно из прозрачного шелка,
Подберу краски земли и неба
Моя кисть продолжение нервов.

В хрустальном колодце глаз голубых
Мальчик, несущий звезду в руках,
Я с ним уйду в вечность...

Как хочется быть таким же, как ты,
Способен ли ветер с собою взять
В странствие дивный цветок...

1987 г.

Посвящение Тамаре Николаевне...

Там, высоко в небе,
Ангел играл на флейте...

Музыку встретил ветер,
Амур его сердце пронзил.

Рапсод, воспевающий Жизнь,
Авроре сей миг посвятил.

Странник, вечный бродяга,
Истину понял одну...

Мыслью – значит живу,
Добро – Начало начал...

Гений в книге Времен
Кровью, сие написал.

1986 г.

Брату – другу

Не стучи в мою дверь,
Заходи, здесь открыто,
Видишь, снова как будто вдвоем...
Ты был прав, говоря о разбитом,
Ты был прав, говоря: «Не спасем».

Не суди, брат, того, кто ошибся...
Заблуждаться не грех,
Но упорствовать в этом грешно,
Исправляют ошибки своими руками,
Обвиняют нередко на зло.
Те, кто были неправы...
Да рассудит их Бог,
Редко правда бывает сладка...
Так, за это ей, бедной, сквозь строй
да хлыстами,
Ну, а те, кто хитрее —
подсластят и с лотка.
Ты учил объяснять все простыми словами,
И свой промах себе же ставил в укор,
Было больно, но ты улыбался слезами,
И палач был не в силах обрушить топор...

Как не трудно, мой друг, но нам в том учиться,
Каждый день бы на жизнь растянуть.
И упав, взлететь белою птицей...
А, взлетев, продержаться чуть-чуть...

июль, 1989 г.

Четверть века

...В двадцать пять пишу,
Есть еще пока
Время для листа —
Черная строка...

Нарекла меня
В радость, не в беду
«Горя», стало быть,
«Я» на «Е» — ко дну...

Догорел фитиль,
В мир другой ушел...
Карий глаз, гляди,
Пеленой покрыт...

Вот Сентябрь златой,
Ну, а я — в другом,
Ржавым кленом стал,
Подойди, смотри...

Ночь. Октябрь спит,
За окном стеной
Дождь кругами луж,
Это я, больной...

В ноябре лова
Воздух жадным ртом,
Ты найдешь меня
Тоненьким ледком...

Как придет Зима,
Не заставлю ждать,
Снегом первым лягу
Я на твой порог...

В Новый год поздравлю
Тихо я, без слов,
Отзовусь ударом
Башенных часов...

Взял февраль дороги,
Дома — не в лесу,
Я лисой — поземкой
К твоему окну...

...Я иду к тебе
Мартом по Земле,
Талый запах снега —
Память обо мне...

Вот и снег пропал,
На дворе Апрель...
Не грусти, я здесь,
Звонкая капель...

Зацвела сирень,
За апрелем Май,
Первый шмель к тебе —
Это я, встречай...

Ты дождись меня,
Не совсем я так,
Знай, в июльском солнце
Есть холодный Рак...

Двадцать третьего,
На июльский жар
Положи на стол
Помидорный шар...

Мятный лист и чай,
Вроде не отвык,
Хлеб и соль на все,
Да, чесночный клык...

...А в июле вспомни
Запах трав сухих,
И в парном лесу
Я тебе – родник...

На Илью пророка
Ожидай меня
Звоном колокольным
В наступлении дня...

Грустно, одиноко,
Больно, да далеко...
Голуби в разлуке,
Вечно сердце в муке...

На закате солнца
Жди меня домой,
Посидим за чаем,
Трудно быть одной...

Память тянет птицу
К своему гнезду,
Только вот вселиться
Снова – не могу...

Я тебя укрою
Байковым крылом,
Спи, моя родная,
Будь покоен сон...

...А во сне явлюсь я,
То – хороший знак,
Знай, с добром приходит
Горенька – дурак...

С летнею грозою
Я недалеко,
Мне всегда под дождик
На сердце легко...

То, что не успелось...
Не судьба видать...
Знал бы, так быстрее...
Только как узнать...

На кургане тихом
Посади цветы,
А в ногах – рябинку,
Добрые мосты...

июль, 1989 г.

1965г.

Алексеева Людмила Георгиевна, судья, засл. юрист России, мама Т. Травніка, 1989г.

Родители Т. Травніка Аркадий и Людмила Алексеевы. 1991г.

1964г.

Курсант Суворовского военного училища Аркадий Алексеев. 1955г.

В свободное время отец играл на ударных в джаз-банде. 1960г.

Вся жизнь

Вдохни, наполни грудь дождем,
Осенним днем земля так сладко пахнет.
Так хорошо в лесу, когда предзимний сон
Лишь слабо брезжит.

Ты слышишь стон, то ветер,
Путаясь в ветвях, заставил плакать лес
по лету...
И я стою на перепутье времен...
С зимы в весну,
Бегом от лета во всепрощающую осень,
Звучит рожок...
И на ветках в который раз белеет проседь.

Люблю я лип чернильные столбы
На златотканном лиственном ковре
в ненастье,
А в запахе сыреющей земли
Прошедший день с надеждой в завтра
гаснет...

Нет, не напрасно я живу,
Утешь меня, чарующий Октябрь,
Среди затерянных полей бреду, покойно мне,
Вдруг слышу легкий перезвон,
Круги от капель на воде рисуют
Исчезающий пейзаж, и от него я оторвать
Свой взор не в силах...

...прильнув к стеклу,
я в ночь смотрю:
Беззвездно, тихо...
Ты слышишь вздох?
Не бойся, это я...

Прекрасна скорбь в кончине года,
И в колыбели трав сухих
лежит младенец Март...
Отдаст зима ему свои три месяца из года
И передаст в ларце
Колоду карт людских...
*/ Весной так хочется любить
Весна – роддом для многих поколений. /*

июнь, 1989 г.

«Снова день в серебристом тумане...»

Снова день в серебристом тумане
Отозвался светом окон.
Бал прощальный вечер устроил,
И я слушаю песни ворон.

А вокруг все торжественно тихо,
И мне хочется снова идти.
Я иду по фонарной дороге,
Каждый вечер я в долгом пути.

Тень моя не дает мне покоя,
То отстанет, то вновь заспешит.
Я прилягу, ее успокою,
А она мне поет – поспеши...

Я встаю, видно, в тени есть мудрость,
А она, как ребенок малой,
Раскрывает мне тайну за тайной,
Мы бежим по дороге ночной...
И я вновь с нею сдружился,
Да и были мы с нею друзья,
А под утро ее хоронил я
В золотистом тумане дня...

1 февраля 1989 г.

к Н. Ефремову

Ты прижигал себя огнем,
Пытаясь утвердиться в сути,
И, углубляясь в мир иной,
Чужою болью сердце мучил.
Под одеялом скользких звезд
Твой мир искал себе опору,
В реалиях остывших грез
Ты находил ответ, который
В междоусобице души
Растил, лелеял здоровый корень.
Теперь ты больше не спешишь
Встать с алчущей гордыней вровень.
Я рад, что на вопрос – зачем?
Ты отвечаешь мне – так надо...

2 сентября 1989 года

Колыбельная

Спокойной ночи,
спи малыш,
В окно украдкой смотрит месяц...
Спит черный кот,
во сне он рыж,
/ Он факел на одной из крыш /
Мышатам он в дороге светит...

По крыше вышли погулять
Мышата тихо друг за другом,
Кот добр и рыж,
им не упасть,
На крыше им не страшно с другом...
Прикрыл глаза котище лапой,
И... стал наш кот для мышек папой.
Осталась дома мама-мышь,
Спокойной ночи,
спи малыш...

июль, 1989 г.

Сладкие слезы

Я в чае растворял кусочек сахара,
Но сахар растворяться не хотел.
В коробке братство сахарное плакало,
Оплакивая горький свой удел.

А маленький кусочек меда белого
Ручонкою все норовил махнуть
Да вылезти из чая свеже-крепкого,
Но успевал лишь воздуха глотнуть.

А я сидел, на дно глядя задумчиво,
Рукою в чашке гнал водоворот,
Гляжу, а из коробки с рафинадами
Уж сладкая слеза на стол течет.

Но не посмел я растворить
кусочек маленький...
И нежно ложечкой его достал,
Остался я с заваркой черно-горькою,
А сахар в белый монастырь отдал.

Отпил глоток, да спать пошел по горечи,
Вдруг оглянулся, чуть расслышав – Стой!
А из коробки вслед глядит признательно
Калека, возвратившийся домой.

август, 1989 г.

«И дрогнули снежные...»

И дрогнули снежные
ветви,
Вздохнул постаревший
Снегирь,
Вдохнула весна в его сердце любовь...
И на тысячу миль —
Все оживает,
Все любит,
Все хочет...
Ну что ж...
Весну не обманешь...
Чисть перья, ты дорог мне
старый снегирь.

6 марта 1989 года

«Я краски новые купил...»

Я краски новые купил
И их сложил, и их закрыл.
Не в силах кисть моя писать
Все то, что хочется сказать.

Гитару новую купил
Да струны я на ней спустил,
Не в силах кисть моя сыграть,
Все то, что хочется сказать.

Чернила новые купил,
Открыл блокнот, да и закрыл.
Не в силах сердце написать
Все то, что хочется сказать.

А утром другу позвонил,
На голос трубку положил,
Не в силах был язык сказать
О том, что я хотел создать.

Потом уселся у окна,
И только полная луна
Дала один совет простой:
Пока есть силы, то – не стой.

июль, 1989 г.

1993г.

Из книги «Белый уголь, Черный снег»

«Это вино называется «Осень...»

Это вино называется «Осень»,
В этом бокале мудрость и скорбь,
Радость прощения и горечи проседь,
Тайный итог недописанных строк.
Прощанье с друзьями,
отпущенье грехов...
Смерть ноября в зимнем триумфе
И, как ответ на новый запрет,
Боль за погибших в
бессмысленном бунте.
Вечная слава и вечный сон.
Боже, когда же мы сможем понять?
Что в этих словах лишь траурный стон,
Обнимающей сына – могильный холм,
Бедной старухи, нелепо упавшей,
Среди воронья, тишины и крестов,
Прося у него лишь несколько слов.

июнь, 1991 г.

«Растворись в картинах на чьих-то холстах...»

Растворись в картинах на чьих-то холстах,
Оторвись от Земли, чтоб уснуть в облаках,
Полюби Его слово, полюби Его кровь
И умри навсегда, чтоб родиться вновь.

Улетай в свой мир осеннею птицей,
В каждой луже есть небо, разве это не так,
И твердили мне, что я просто спятил,
Мол, пора повзрослеть, если я не дурак.

И для них было белое белым, как снег,
Просто черным все то, что сгорело,
Ну, а то, что у Солнца просит любви,
Нужно срочно пускать в дело.

И я, выслушав все, молча уснул,
Их же тени ушли прочь,
А когда я проснулся, выпал черный снег,
Погрузив меня в млечную ночь.

Небо стало землею, земля стала прахом,
а я слепо вошел в мир навязанных тем,
Где остался лишь шаг от тревоги до страха,
Где царил свобода, ведущая в плен.

«Бессонные ночи...»

Бессонные ночи...
Безумные дни...

Кто знает что там —
Тому не нужно, что здесь.
На саже бархатной камни росы
Смолой заплаканной липкая лесь...

В открытом омуте плачущих глаз
Горит недоступный рукам алмаз.
И нет больше счастья, и знакомая боль,
Храня никому ненужную роль,
Пытаясь встать с колен во весь рост,
Ломает еще недостроенный мост.

На зернах посеянных серый гранит...
Кто помнит, что будет – тот найдет, что имеет.
На глиняных досках невидимый текст —
Для ослепших глаз, для рук до небес.
В открытом окне – неба кусок,
На ржавой лопате – земли глоток,
И старая ноша уже нелегка...
Когда-то кормила, теперь слегла.
Она жаждет крови, чтоб вновь прорасти,
Но что, кроме смерти, ее может спасти.

Слезы отдавших – для жажды грядущих.
Кто не пил нужды – засохнет в достатке.
На руке вчера ночью был след от звезды,
Сегодня, с утра, здесь чисто и гладко.

Звучит совсем неизвестная тема,
На свалках пустое собрав в тело.
Она начинает снова войну,
Она призывает снова ко дну.
И в каждой ноте угроза и страх.

Бессонные ночи, безумные дни...
Конец всему в начале начал,
И вновь в аккорде зародыш любви...

*6 часов утра
11 сентября 1991 года*

Блаженная Маша

На улице – ночь, на улице – дождь.
Наше время пришло и стерлось о стены
Закрытых домов, забытых больниц.
Этот поезд ушел по разорванным венам
В городе черных пределов сожженных границ.

Ненужная скорбь дворянских подвалов,
Продажная совесть чиновничьих сук,
Невинная дочь порочного бала,
Опущенных глаз, но поднятых рук,
Пошла по рукам, но этого – мало...

Бездомные дети забытой Трубы,
Того нет в живых, а этот – нигде,
Хранители блеска пропащей звезды
Нашли свой покой в нескончаемом сне.

Блаженная Маша, молись за них,
С нелепой походкой прячущих лица,
Им дали возможность мечтать и летать,
А также право первым разбиться...

Теперь есть единственный шанс —
Пропасть в этом долгом пути
с Востока на Запад.
Проститься, простить и в бездну уйти
С увядшим цветком из ослепшего сада.

Эта чаша будет испита сполна.
Не за грош пропадешь, и чья в том вина,
Что, может быть, завтра начнется война.

*До этой воды не хватило корней
У ваших отцов и у наших детей.*

декабрь, 1991 г.

«Мне б не молчать, а плакать...»

Мне б не молчать, а плакать,
Оторваться от земли и взмыть,
И струной дождя, от ветра рваной,
Зазвучать, а после взять и смыть.

Убежать в разорванную осень,
Зарекаясь на обратный путь,
Не найдя прощенья средь сосен,
Навсегда рябиною уснуть.

И инок в печальном отпеваньи
Тихой ночью вспомнит обо мне:
Не был я ни в тюрьмах, ни в изгнаньи,
Но не выжил я в своей беде.

Завязал глаза и в пляс пустился...
С колокольцем лепры во весь рост,
Призрак ждал, а я так открестился
И пришел с молитвой на погост.

Я искал и звал тебя, но тщетно,
Видно, не судьба нам вместе быть.
Видел я во сне твой мир запретный,
Только, как пройти, забыл спросить.

Может, где-то там в безумной сини
Мы найдем себе покой и смысл,
И лазурный иней на могиле,
Тая, нас на смерть благословит...

декабрь, 1991 г. Ночь.

Оксане Серебряковой посвящается...

Я сжег свои письма и ключ потерял,
И сделал петлю из концов и начал.
Отмерил три метра под полной Луной...

Опять эта осень лезвием в мозг,
И тихий мотив, безымянный родной...
Там не было песен и не было роз...
Все! Хватит!... я еду – домой...

Я помню тот день, мне не нужно труда,
Чтоб каждую полночь летать туда.
В глазах паутина и тающий блеск
Шаров золотых скользит до небес.

И мертвое дерево – скорбный престол.
Впервые я это познал.
На могильной плите цветок расцвел,
И прах ему кровь отдал.

В орнаменте веток видны огни
И белый больничный камень,
И мы с тобой здесь, мы здесь одни,
В том месте, где боль и память.

Но все повторилось, лишь цвет поменяв,
Как тою осенней порою,
Свою безнадежность на боль променяв,
Я возвращаюсь домой...

1991 г.

Иван-да-Марья

На заброшенной стороншке
Боль-тоска лежит на доньшке,
И сиротами дома,
Да больницы – терема.

Ну, а выйдешь за околицу,
Так за елью смерть хоронится
И костлявою рукой
Призывает на покой.

Воронье печною копотью,
На деревьях рваной россыпью,
Как спасение, солнца свет,
Да на солнце, волчий след.

Там, где лисий след теряется,
Где язык огня кривляется,
Где дурней чумы молва,
Там растет плакун-трава.

Иван-да-Марья, научи нас любить,
Научи нас видеть простое в сложном.
Иван-да-Марья, научи нас не лгать,
Научи нас прощать...

1990 г.

Выпь

Возьми свою радость,
отдай мою боль,
Сожги свои письма в страну,
где не умеют любить.
Там все покрыл пепел,
а снег превратился в соль.
И ангел был съеден зверьем,
не успев остыть.
Где плачет волчица
по полной Луне,
Что саваном белым лежит на воде.
Где кончается день,
едва лишь забрезжит рассвет,
И на образе плесень,
и плесень съедает цвет.
Возьми свою радость,
отдай мою боль.

Где дождь не смывает
ни грязь, ни печать, ни клеймо,
Там город без улиц, дом без дверей,
и без стекла окно.

А пьяный мужик, заложив и тюрьму, и суму,
За рюмку водки в трактире
пропил и детей, и жену.
*Возьми свою радость
отдай мою боль...*

1992 г.

1990r.

Четыре птахи

Ты сплети узор дороги —
На рубахе отблеск неба,
Ты вплети в узор дороги —
Я здесь был, и я здесь не был.

За окном четыре птахи,
Они верят только солнцу,
Они знают мудрость ветра,
И земля зерном им станет.

апрель, 1992 г.

Вроде биографии...

В восемнадцать одет и накормлен
Шел по тонкому льду я вперед,
В девятнадцать я стал сомневаться,
Ну, а в двадцать сломался тот лед.

И я начал плавать учиться,
Шел тогда двадцать первый мне год,
Я хотел с этой жизнью бы слиться,
Выходило же наоборот.

Но я шел и разбрасывал камни,
И почти был уверен, что прав,
За спиною смыкались ставни
Из душистых деревьев и трав.

Ночь слепила своей темнотою,
И у встречных искал я огня,
Строил жизнь неумелой игрою...
В двадцать два...
вдруг, я встретил тебя.

Я узнал, что такое быть рядом,
за день вдруг научился любить,
И пустырь обернулся мне садом,
И сказал я себе: «Надо жить».

В двадцать три – я почувствовал сына.
Он принес мне и мир, и покой.
Не дышал я горечью дыма
Над семейною тихой рекой.

Позже, в двадцать четыре – был счастлив,
Осознав, зачем я живу,
Я растаял в тебе ненапрасно,
Сохранив растворенья слезу.

В двадцать пять – четверть века отмерил,
Сладость встреч и горечь разлук.
Глубину твоих глаз не измерил,
Но запомнил тепло твоих рук.

В двадцать шесть – я почти сумасшедший,
В двадцать шесть – я почти неживой,
Я хватаюсь руками за небо,
Упираясь в могилу ногой.

В двадцать семь – распахан свое поле,
и посеял на нем новый хлеб...
И лежит на поле том камень —
Сгусток памяти прожитых лет.

В двадцать восемь – нашел утешенье
И побрел дорогой ночной,
Обернулся тот камень надеждой,
Повстречавшись с моею звездой.

1992 г.

Оксана Серебрякова, музыкант и супруга Т.Травнікъа. 1987г.

...с сыном Геней. 1991г.

«Я зажег свою свечу...»

Я зажег свою свечу
И пустился в путь
По воде и по земле,
Со щитом и на щите.
И сказал Он нам:
«Здесь вода, а берег там,
И уйдет беда, не оставив след,
Но одна из ста примет
Вам укажет след.
Этот след нельзя терять,
Чтобы вновь не повторять,
Чтобы детям мирно спать,
Чтоб увидеть и узнать,
Не продать и не солгать,
Не предать и не распять.
На хрустальный утес
Лунный свет ее принес.
И молилась она,
Чтоб великая страна
Не забыла отцов,
Не казнила сыновей,
Не ловила птиц
И не ставила сетей.

Чтобы вольному воля,
Чтобы нищему доля,
Чтобы женщине детей
И больным терпенье в боли.
Чтоб озябшим огня
Да и кров промокшим в поле.

И забытый дивный край
Прорастит зерно на камне
И наполнит кровью раны,
И вернется в светлый Рай».

Я зажег свою свечу,
И открыл глаза.
Воском плакала свеча,
*И неловким жуком
По щеке ползла слеза.*

апрель, 1992 г.

На этюдах на
Клязьме. 1987г.

В художественной мастерской в ЦВР. 1991г.

Владимирка

По Владимирской дороге, утопая в грязи,
Мужичок шел убогий со крестом на груди,
Отбивая поклоны и молитву творя
За детей, что в остроге умирают любя.

А вокруг только прах, что оставила нам
Та старуха немая, что идет по пятам,
Всех равняя с травой под косою слепою,
И рожденный цветок будет скошенным в срок.

А за белую стеною идет яблочный торг,
Там меняют кресты на билет в светлый морг,
Там ты можешь узнать – сколько стоит душа:
Литр водки – две Кати, а душа ни шиша.
Эй ты, лапотник русский, дворянин с топором,
С беспредельной душою, да заштопанным ртом —
Под Смоленском ограблен, под Рязанью убит
И в проваленной яме под крестом пьяный спит.

Ну, а в городе стольном
раскушается люд,
И застой стал застольным:
утром пьют, днем блюют,
Ну, а руки хоть в перстнях,
да под камнями кровь.
Каждый день здесь Христос
распинается вновь.

И оглохший звонарь,
превратившись в язык,
Своим телом о бронзу,
как о вражеский штык,
В колокольном вопле
решил умереть,
Чтоб озябшую Русь
своей смертью согреть.

15 августа 1992 г.

Книга увяданий

Я открываю книгу увяданий,
Читаю осени печальное письмо,
Чернила золотом прощальным
И листья букв стучат в окно.

Размыты строчки в лужах бледных —
Разбросанных осколках дня,
И исчезают запятые в кругах
Нелепого дождя.

Письмо горит листвою рваной,
И кисть рябины мажет холст,
И сладкий сок из раны драной
Пьет запоздалый пьяный дрозд.

Письмо не требует ответа
Ни у тебя, ни у меня,
То – эпитафия для Лета
И реквием для Октября.

Размочет дождь сургуч дорожный.
Последний свет мелькнет среди туч,
И по тропинкам осторожно
Скользнет зимы хрустальный луч.

1991 г.

«Когда я пойму себя в себе...»

Когда я пойму себя в себе,
Тогда я найду тебя в тебе.
Когда я останусь с самим собой,
Ты будешь во мне, а я стану тобой.
Я обращаюсь к тебе во мне
И вижу себя, идущим во мгле,
А впереди на воздушных волнах
Мальчик с нервущейся нитью в руках.

О, бледный отрок, ты тоже во мне,
Тобой я иду в проснувшемся сне,
Я слышу твой шаг, я вижу твой вздох,
И слезы неслышно падают в мох...

Искал и нашел,
терял, но не смог,
НЕ ПОМНЮ...
Но было порой золотой —
*Бежал от себя, а вернулся
собой...*

ноябрь, 1992 г.

Уход в себя

Каждый вечер, подойдя к окну,
я вижу свою звезду.

Каждое утро, выходя из дома,
я смотрю на то место,
Где была моя звезда.

Каждый день
я вспоминаю ее свет,
Каждую ночь
я забываю свою жизнь.

декабрь, 1992 г.

«Закончились болезни лета...»

Закончились болезни лета
для беспризорников-поэтов,
И осень вялою рукой
червонным золотом сорит,
И дождь звенящей бахромой
с утра ко мне в окно стучит.
В кленовом шелке утопая,
Вновь старый парк зовет меня,
И ветер вдруг с дрожащих веток
Срывает бусинки дождя.

октябрь, 1992 г.

Эпитафия

На смерть философа Курганова Михаила...

Мой добрый учитель, мой строгий судья
Унес свой огонь в хрусталь января,
Распятый при жизни он остался собой,
Совести рыцарь, гонимый толпой.

Избранник судьбы, он отдал себя боли,
Он выполнил долг тем, что просто не лгал,
И взял от жизни горбушку и соли,
Хранил, сколько мог, а потом все раздал.

Ученый, поэт, не к месту пришедший,
Разбился о злобу обычных людей,
Но если б сто лет назад он явился,
Он стал бы учителем их же детей.

Он шел к своей смерти, он видел ее,
Он знал этот день, как имя свое,
Сказав мне, что корни не могут держать,
Когда будет снята вторая печать.

Все вышло, как вышло, осталась печаль,
Поземкой бегущая в грустную даль,
Зачатая жизнью, обвенчана сном,
К нам мудрость вернется с погостным крестом.

А смерть – это только начало пути
Из вечности вечность, от плоти земли.
Он верил и знал, и делал, что мог,
И тут его мудрость, а с ним – его Бог.

Мой добрый учитель, мой строгий судья,
Унес свой огонь в хрусталь января,
Сказал мне «ищи» и оставил мне свет...
на вечный вопрос, не сказав свой ответ.
Он тихо ушел, не прощаясь с Миром,
Храни его, Бог, и прими его с миром.

май, 1992 г.

«Для меня каждый день, как последний...»

Для меня каждый день, как последний,
Каждый шаг, как начало пути.
Я с утра мечтаю о звездах,
А в ночи ищу солнца лучи.
Хоть не вижу, но чувствую сердцем,
Пусть не слышу, но звуки во мне,
И рисую невидимой кистью,
И играю на рваной струне...

12 января 1993 года

«Вчера еще мороз искрился...»

Вчера еще мороз искрился,
И новогодний бал шумел,
Сегодня лето веселится,
А завтра – осени предел.

Был мал и времени не ведал,
Взрослею- все наоборот.
Все ровно стало и обычно,
Вот только год, как день мелькнет.

январь, 1993 г.

Стихотворение для Маши

Я пишу о тебе, я пою для тебя,
Я рисую твой мир на холстах.
Я ищу твоих губ, я прошу твоих рук,
Растворяясь в бездонных глазах.

Твое тело – как книга, твоя кожа – как снег,
И миндальный туман – среди кос твоих рек,
Твои руки, как ветви, нежно и плавно
Ищут в зеркале пруда томлений желанных,
Твоя кровь – пряность вешних, оторванных вод,
Твои брови, как арок узорчатый свод
Над печальной рекой жаждущих глаз,
Уводящих в невинность и вводящих в соблазн.

И твой голос, как тихий лесной ручеек,
И улыбка – как резвый шалун мотылек.
Твои губы – колодец для утренних рос,
В твоём имени горьком зерно родилось.

апрель, 1993 г.

Маятник

Все раскрутилось панцирем улитки
И прячется в него же от себя...
Причудливые тени маргаритки ласкают стены,
то дрожит свеча...

И маятник часов, безвольный исполнитель,
Резное дерево – твоя всегда обитель,
Отстукиваешь время, трагедия неведома тебе.
Что для тебя печаль о вновь ушедшем дне?..

Кто-то сказал, что завтра будут те же
И утро, и дела, и верная печаль,
Все это будет, но все реже, реже,
Проснувшись облаком, я улетаю в даль...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.